

ПРИКЛЮЧЕНИЕ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОГО ЭКСПЕРТА

Осматривая на труп, медик должен заметить все.

Альфред Суэйн Тейлор.

Учебник судебной экспертизы (1844)

Что видел человек, входя в викторианский морг? Больничное помещение с окнами, вероятнее всего, во двор, с тем чтобы посторонние не заглядывали внутрь. Стекла замазаны мылом либо салом, но работать лучше при дневном свете. В центре — каменный стол без ободков и стоков, поэтому жидкость со стола стекает прямо в опилки на полу.

Иногда над камином предусмотрена тайная каморка, куда, чтобы избежать расследования, крюками и веревками на блоке подтягивают и прячут сомнительным образом полученный труп. Мысль о том, что студентам-медикам приходится оттачивать свое профессиональное мастерство, вскрывая трупы, глубоко беспокоила общество и ранее столетиями осуждалась церковью.

С XVII века доктора практиковались на трупах заключенных, а когда запас их иссякал, прибегали к услугам темных личностей, похищавших трупы из свежих могил и продававших их в медицинские учебные заведения. (Выкрасть труп тогда не считалось нарушением закона, но похитители могли попасть под суд за кражу одежды покойника.)

Анатомический акт 1832 года был попыткой позволить медикам получать для своих нужд трупы легально. С того времени трупы обитателей работных домов, не востребованные родственниками в течение двух или более суток, разрешалось отправлять в больницы. Но проблемы оставались. Иногда от родных скрывали, что труп, выданный им для погребения, подвергся в больнице вскрытию, а статус и полномочия работных домов были таковы, что иной раз родственники вообще не решались обращаться за телом умершего, обрекая его тем самым на вскрытие — скрепя сердце, но молча.

Трупы, необходимые студентам-медикам для вскрытия, поступали в бочках с надписью «свинина» или «говядина» и залитые спиртом. Первым делом уничтожались все приметы, позволяющие идентифицировать труп, после чего тело водружали на стол, клали на спину, подсовывая под шею и плечи деревянный брусок, чтобы приподнять грудину, и приступали к вскрытию: медик делал первый разрез от подбородка до лобковой кости. До появления электрических пил вскрытие грудной клетки требовало немалых усилий. Лишь в 1947 году доктор Гомер Страйкер изобрел осциллярную хирургическую пилу, которую стали называть его именем.

В этих зловонных помещениях медики рисковали подхватить инфекцию, так как работали они голыми руками, не прикрывая лица, а тело защищал один

лишь фартук. Но постепенно, мало-помалу, они во всех деталях узнавали особенности того или иного организма и устанавливали возможную причину смерти.

Они учились искусству чтения человеческого тела.

В течение XIX века искусство экспертной интерпретации оставленных преступником следов развивалось в двух родственных и все же независимых направлениях. Во-первых, специалисты изучали само тело в морге или посредством химического анализа, как в случае Уильяма Палмера. А во-вторых, дотошно выискивались малейшие улики, оставшиеся на месте преступления. Здесь дело шло медленнее.

Первое наше знакомство с Шерлоком Холмсом происходит в контексте обоих этих занятий, хотя второе было более новаторским. При первом своем появлении в повести «Этюд в багровых тонах» (1887) доктор Джон Ватсон узнает от приятеля, что его знакомый, «один малый, который работает в химической лаборатории при нашей больнице», собирается снять квартиру и ищет себе компаньона. Доктор Ватсон и сам хочет снять жилье, потому с радостью спешит познакомиться с неизвестным ему химиком.

Общий знакомый ведет Ватсона в больницу Святого Варфоломея, где пока еще неведомый Шерлок Холмс проводит большую часть дня. Приятель предупредил Ватсона, что Холмс немножко чудаковат. Например, видел, как он колотил палкой трупы, по-видимому, «чтобы проверить, могут ли синяки появиться после смерти». Мы узнаем также, что Холмс испытывает противоестественный интерес к ядам.

Легко могу себе представить, что он впрыснет своему другу небольшую дозу какого-нибудь новооткрытого растительного алкалоида, не по злобе, конечно, а просто из любопытства, чтобы иметь наглядное представление о его действии. Впрочем, надо отдать ему справедливость, я уверен, что он так же охотно сделает этот укол и себе. У него страсть к точным и достоверным знаниям.

Доктор Ватсон застаёт Холмса за работой в химической лаборатории. Холмс в приподнятом настроении, так как только что открыл новый способ обнаружения следов крови. «Нашел! Нашел!» — кричит он, бросаясь навстречу гостям с пробиркой в руке.

Потом Холмс трясет руку Ватсону. «Здравствуйте! — приветливо сказал Холмс, пожимая мне руку с силой, которую я никак не мог в нем заподозрить. — Я вижу, вы жили в Афганистане».

Слова эти совершенно потрясают Ватсона, и только спустя какое-то время мы узнаем, как в голове у Холмса разворачивался мыслительный процесс, в ходе которого он создал этот образец своего дедуктивного метода.

«Этот человек по типу — врач, но выправка у него военная. Значит, военный врач. Он только что приехал из тропиков — лицо у него смуглое, но это не природный оттенок его кожи, так как запястья у него гораздо блее. Лицо изможденное, — очевидно, немало натерпелся и перенес болезнь. Был ранен в левую руку — держит ее неподвижно и немножко неестественно. Где же под тропиками военный врач-англичанин мог натерпеться лишений и получить рану? Конечно же, в Афганистане».

Весь ход мыслей не занял и секунды. И вот я сказал, что вы приехали из Афганистана, а вы удивились.

С первых же страниц книжной жизни Холмса мы знакомимся не только с характером детектива, но и с его принципом использовать в следственных действиях достижения науки. Мы видим его за работой в лаборатории, где он занимается токсикологией и проводит новый опыт по идентификации следов крови, по его же собственному выражению, совершая «самое практически важное открытие для судебной медицины за десятки лет», а затем мы становимся свидетелями того, как работает дедуктивный метод Холмса, когда постепенно, шаг за шагом, он считывает с самой внешности доктора Ватсона скрытые доказательства его военной службы в Афганистане.

Автор рассказов о Шерлоке Холмсе Артур Конан Дойл и сам получил медицинское образование, а на создание образа Холмса его вдохновили методы одного из его собственных учителей, доктора Белла. В аудиозаписи, сделанной незадолго до кончины писателя в 1930 году, Конан Дойл описал процесс рождения своего знаменитого сыщика. Говоря медленно, четко, с присущим ему шотландско-нортумбрийским акцентом, в котором нет-нет да проскальзывало раскатистое «р», Конан Дойл объясняет, что ко времени написания «Этюда в багровых тонах» он был «... начинающим доктором... воспитанным в очень строгих и жестких медицинских принципах, привитых мне в особенности эдинбургским доктором Беллом, замечательно наблюдательным и сильным диагностом. Он гордился тем, что с одного взгляда на пациента может определить не только его недуг, но очень часто и его профессию и из каких он мест».

Белл был выдающимся судебным медиком молодого поколения, одним из тех, кто наследовал Альфреду Суэйну Тейлору и Уильяму Хирпету. В своей области он пользовался большим авторитетом, и во время визитов в Шотландию королевы Виктории к ней вызывали именно его. Позднее Белл с удовольствием вспоминал о том, что его считают прототипом Шерлока Холмса.

Талант Конан Дойла счастливо сочетал выработанный под влиянием Белла научный подход и врожденную любовь к сочинительству. Первоначально Конан Дойл собирался заниматься медицинской практикой. Но, просиживая в своей приемной в напрасном ожидании пациентов, он начал писать и посылать в журналы рассказы, написанные в самых разных жанрах, — страшные, мистические, о привидениях. На золотую жилу он попал, обратившись к жанру детектива. «Я решил попробовать, — наговаривал он на фонограф, — написать рассказ с героем, который будет расследовать преступление точно так же, как доктор Белл расследовал болезнь, и где в качестве шахматной задачи будет выступать наука. Результатом стал Шерлок Холмс».

И вскоре за сценой знакомства в «Этюде в багровых тонах» следует сцена, где Шерлок Холмс — герой-ученый, исследующий место преступления. Трупы жертв изучались давно, но место, где произошло преступление, стало предметом пристального внимания детективов и признанной частью их работы лишь незадолго до появления повести Конан Дойла. Здесь Холмс был в своей стихии и далеко опережал патриархов следствия. Он подвергает жестокой критике полицейских следователей за то, что они истоптали землю вокруг дома, уничтожив таким образом улики — следы убийцы. «Стадо буйволов и то не оставило бы после себя такое месиво!» — выговаривает он инспектору Грегсону. Так намечается

рисунок, который сохраняется на всем протяжении воображаемой карьеры Холмса, — он будет гневно обрушиваться на никчемных, невежественных, бессмысленно суетливых профессионалов, которые ему и в подметки не годятся.

Включившись в следствие, Холмс осматривает труп, в точности следуя рекомендациям Альфреда Суэйна Тейлора, чей труд Конан Дойл внимательнейшим образом проштудировал. Расширяя число рассматриваемых материальных улик, Холмс углубляется в изучение типов сигарного пепла, велосипедных шин и глины, всего, что может таить улики. Показывая, как Холмс исследует труп, Конан Дойл обращает наше внимание на его пальцы: «Его чуткие пальцы в это время непрерывно летали по мертвому телу, ощупывали, нажимали, расстегивали, исследовали». Осмотр, как установила историк медицины Э. Дж. Вагнер, производится в полном соответствии со следующим наставлением Тейлора.

Судебный медик прежде всего обязан выработать у себя способность к тщательному наблюдению... Он должен уметь подмечать все, что может пролить свет на происхождение ран или иных найденных на теле повреждений. Решать, имеются ли на платье, руках покойника, а также на мебели в комнате следы крови — не дело полицейских, и не следует оставлять это на их усмотрение.

Как только тело уносят, Шерлок Холмс приступает к осмотру помещения, где он изучает каждый дюйм пола и потолка в поисках улики.

Он вынул из кармана рулетку и большую круглую лупу и бесшумно заходил по комнате, то и

дело останавливаясь или опускаясь на колени; один раз он даже лег на пол. <... > ...Мне невольно пришло на ум, что он сейчас похож на чистокровную, хорошо выдрессированную гончую... <... > В одном месте он осторожно собрал щепотку серой пыли с пола и положил в конверт.

Следователь, работающий на месте преступления, теперь фигура обычная, но в 1887 году это было в новинку. В литературе об этом не упоминалось, и о теоретическом обосновании сбора волос, пыли и прочих, с виду обыденных и не имеющих отношения к следствию деталей тогдашний читатель и понятия не имел. Рассказы о Шерлоке Холмсе сыграли важную роль в популяризации судебно-медицинской экспертизы и превращении ее в отдельную профессию. Роль настолько значительную, что знаменитый французский судебный медик Александр Лакассань, основавший в Лионе одну из первых лабораторий судебной медицины, советовал всем своим новобранцам обязательно читать рассказы о великом детективе. «Потрясающая техника исследования!» — таков был его вердикт.

Но самое впечатляющее в образе Шерлока Холмса даже не то, что составляет его силу, а то, в чем обнаруживается его слабость. Жизнь этого в высшей степени умного, высокоинтеллектуального человека была бы печальна и скучна без его верного друга, поклонника, вечного болельщика и летописца доктора Ватсона, всецело посвятившего себя служению Холмсу с первой же минуты их знакомства.

В одном из позднейших рассказов о Шерлоке Холмсе «Дьяволова нога», почти классическом образце выработанной Конан Дойлом формы повествования, опубликованном в сборнике «Его прощальный поклон» (1917),

мы наблюдаем их обоих и можем оценить душевную теплоту доктора Ватсона и отстраненную холодно-ватость Холмса: сопоставление и сочетание их неотразимо. В одном трогательнейшем эпизоде оба друга, едва не валясь с ног, с трудом выбираются из комнаты, где Холмс, проводя расследование, сжег опасное вещество. При всей своей внешней несгибаемой жесткости Холмс бы пропал, не будь рядом с ним гораздо более человеческого Ватсона.

Я вскочил с кресла, обхватил Холмса и, шатаясь, потащил его к выходу... <... >

— Честное слово, Ватсон, я в неоплатном долгу перед вами, — сказал наконец Холмс нетвердым голосом, — примите мои извинения. Непростительно было затевать такой опыт, и вдвойне непростительно вмешивать в него друга. Поверьте, я искренне жалею об этом.

— Вы же знаете, — отвечал я, тронутый небывалой сердечностью Холмса, — что помогать вам — величайшая радость и честь для меня.

Тут он снова заговорил своим обычным, полустуливым-полускептическим тоном:

— Все-таки, дорогой Ватсон, излишне было подвергать себя такой опасности. Конечно, сторонний наблюдатель решил бы, что мы свихнулись еще до проведения этого безрассудного опыта¹.

Хоть и под самый конец их долгого союза, но правда их отношений, так долго скрываемая, наконец-то вырвалась наружу.

---

¹ *Артур Конан Дойл. Дьяволова нога. Перевод А. Ильф.*

Когда научный подход к охране и исследованию места преступления был повсеместно признан, настал черед технических новинок, которые использовались для установления личности преступников и подозреваемых. С 1871 года актом о предотвращении преступлений предписывалось обязательное фотографирование преступников для облегчения последующего их опознания. Но сохранять огромный объем бумажных документов оказалось трудно, и через пять лет закон был смягчен: отныне он применялся только к закоренелым преступникам-рецидивистам.

И все же сама идея вести учет преступников пусть и в измененном виде, но принесла свои плоды. Отбывшим свой срок заключенным, покидавшим тюрьму, теперь полагалось оставлять там фотографии и зафиксированные на особых карточках приметы, в том числе и сделанные чернилами отпечатки пальцев. (Правда, у многих заключенных были очень слабые отпечатки, потому что подушечки пальцев у них после тяжелого тюремного труда сильно стирались.) Карточки эти содержали немало сведений и позволяли определять личность правонарушителей в том случае, если они, выйдя на свободу, возвращались к прежним своим проделкам. При заполнении карточек использовалась французская система стандартных измерений тела. Согласно системе антропометрических измерений Бертильона, металлическим циркулем или специальной меркой определялось, например, расстояние от локтя по внешней его стороне до среднего пальца или диаметр черепа. Чем больше измерений фиксировалось, тем меньше была вероятность точного их совпадения у двух разных людей.